

оглавление

глава первая,
в которой Бенни Профан, *шлемиль*
и одушевленный йо-йо,
окончательно отбивается от рук
9

глава вторая
Цельная Больная Шайка
55

глава третья,
в которой Шаблон, артист-трансформист,
выступает с восемью перевоплощениями
78

глава четвертая,
в которой Эсфирь остается с носом
124

глава пятая,
в которой Шаблон едва не канает в Лету
с аллигатором
146

глава шестая,
в которой Профан возвращается
на уровень улицы
177

глава седьмая
Она висит на западной стене
201

глава восьмая,
в которой Рахиль возвращает свой йо-йо,
Руйни поет песенку, а Шаблон наносит
визит Драному Зубцику
286

глава девятая
История Монтаугена
307

глава десятая,
в которой разные комбинации молодежи
собираются воедино
377

глава одиннадцатая
Исповеди Фаусто Майистрала
410

глава двенадцатая,
в которой все не так забавно
467

глава тринадцатая,
в которой выясняется,
что бечевка йо-йо — состояние ума
494

глава четырнадцатая
V. влюблена
531

глава пятнадцатая
Sahha
562

глава шестнадцатая
Валлетта
573

эпilog
1919-й
617

Благодарности переводчика
668

VVVVVVVVVVVVV
VVVVVVVVVV
VVVVVVVV
VVVVV
VVVV
VVV
VV
V.

*глава первая,
в которой Бенни Профан,
шлемиль и одушевленный
йо-йо, окончательно
отбивается
от рук*

V

I

В Сочельник 1955-го Бенни Профану, в черных «ливайсах», замшевой куртке, подкрадухах и здоровенной ковбойской шляпе, случилось миновать Норфолк, Вирджиния. Подверженный сентиментальным порывам, он решил заглянуть в «Могилу моряка», таверну своего прежнего корыта на Восточной Главной. Проник в нее он через «Аркаду», у Восточно-Главного конца которой сидел старый уличный певец с гитарой и пустой банкой из-под «Стерно» для подношений. А на улице старший писарь пытался отлить в бензобак «пэкарда-патриция» 54-го года, и пять или шесть младших матросов стояли крúгом, ему потворствуя. Старик пел превосходным крепким баритоном:

Что ни вечер, на Восточной Главной — Рождество.
Здесь моряки подружек обретут,
Огни — рубин и изумруд —
Дружбу и любовь влекут,
Из моря корабли они зовут.
Мешок у Санты грезами набит,
И пиво бьет шампанским озорством.
Тут любят подавальщицы любить
И не дают тебе забыть,
Что на Восточной Главной — Рождество.

— Эгей, старшой, — завопил один бес. Профан свернул за угол. Как за нею водится, без особого предупреждения Восточная Главная напрыгнула на него.

Уволившись с Флота, Профан клал дороги, а когда работы не было — просто перемещался, вверх и вниз по восточному побережью, как йо-йо; и длилось это, может, года полтора. После такой давности на стольких именованных мостовых, что и считать неохота, Профан стал относиться к улицам с легкой опаской, особенно — к таким. Все они, вообще-то, сплавились в единственную отвлеченную Улицу, о которой с полнолунием ему станут сниться ужасы. Восточная Главная, гетто для Пьяных Матросов, с кем никто не знает, Что Делать, налетала на нервы со всею внезапностью того, как обычный ночной сон обращается в кошмар. Собака в волка, свет в межесветок, пустота в затаившееся присутствие, вот тебе сопляк-морпех блюет посреди улицы, подавалыщица с гребным винтом, наколотым на каждой ягодице, один потенциальный бесноватый, что присматривается, как бы получше сигануть в оконное стекло (когда кричать «Джеронимо»? до или после того, как стекло разобьется?), пьяный боцманмат плачет, забившись в переулок, потому что когда БПы¹ в последний раз его таким поймали — укатали в смирительную рубашку. Под ногой то и дело начинался вибротротуара от берегового патрульного во многих фонарях оттуда, что ночной своей дубинкой выстукивал «Атас»; над головой, зелены и уродуя все лица, сияли ртутные лампы, удаляясь асимметричной V к востоку, где темно и баров больше нет.

Прибыв в «Могилу моряка», Профан застал разгар небольшой потасовки между матросами и гидробойцами. Миг постоял в дверях, наблюдая; затем, осознав, что он уже и так одной ногой в «Могиле», нырнул вбок,

¹ Береговой патруль. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чтоб не мешать драке, и прикинулся более-менее шлангом у латунных поручней.

— И чего не жить человеку в мире со своими братьями, — поинтересовался голос за левым ухом Профана. То была подавальщица Беатрис, возлюбленная всего 22-го Дивизиона ЭМ, не говоря о прежнем судне Профана, военном корабле США эскадренном миноносце «Эшафот». — Бенни, — возопила она. Они разжились, снова встретившись после такой долгой разлуки. Профан принялся рисовать в опилках сердечки, стрелки сквозь них, морских чаек, несущих в клювах транспарант, гласивший «Дорогая Беатрис».

Экипаж «Эшафота» отсутствовал — жестянка эта отчалила в Средь позавчера вечером под целый шторм нытья команды, долетавший аж до облачных Путей (как утверждала байка) голосами с корабля-призрака; даже в «Малом Ручье» слышали. Соответственно, сегодня вечером подавальщиц имелось в наличии несколько больше обычного, обслуживали столики по всей Восточной Главной. Ибо говорится же (и говорится недаром), что стоит лишь судну вроде «Эшафота» отдать концы, как некие военно-морские жены в момент переоблачаются из штатского в буфетчицкие мундиры, разминают пивоносные руки и репетируют милые улыбки потаскуний; не успеет оркестр ОБ¹ ВМС доиграть «Былые времена»², а эсминцы еще продувают трубы, осыпая черными хлопьями будущих рогоносцев, что мужественно вытянулись по стойке смирно, отбывая с сожаленьем и скупыми ухмылками.

Беатрис принесла пиво. От какого-то столика в глубине донесся пронзительный вяк, она дернулась, пиво плеснулось через обод стакана.

¹ Оперативная база.

² Стихотворение Роберта Бёрнса «Auld Lang Syne» (1788) на шотландскую народную мелодию, ставшее популярной песней, перев. Е. Фельдмана.

— Боже, — сказала она, — опять Фортель. — Фортель нынче служил мотористом на минном тральщике «Порывистый» и скандалом на всю длину Восточной Главной. Росту в нем было пять футов без гака в палубных сапогах, и он вечно пер на рожон против самых здоровенных на судне, зная, что всерьез они его никогда не воспримут. Десять месяцев назад (перед тем, как его перевели с «Эшафота») Флот решил удалить Фортелю все зубы. В ярости Фортель кулаками пробил себе дорогу сквозь старшину-санинструктора и двух офицеров-стоматологов, и только после этого решили, что он свои зубы хочет сохранить на полном серьезе.

— Но подумай сам, — кричали офицеры, стараясь не расхохотаться и отмахиваясь от его крохотных кулачков: — обработка корневого канала, абсцессы десен...

— Нет, — верещал Фортель. Наконец пришлось двинуть ему в бицепс уколom пентотала. Проснувшись, Фортель узрел апокалипсис, орал продолжительные непристойности. Два месяца он жутким призраком бродил по «Эшафоту», без предупреждения подпрыгивал и раскачивался на подволоке, будто орангутан, пытался пнуть комсостав в зубы.

Стоял, бывало, на кормовом подзоре и ездил по ушам тем, кто б ни готов был его слушать, разглагольствуя ватным ртом с больными деснами. Когда же во рту все зажило, ему вручили комплект блестящих уставных мостов, верхнего и нижнего.

— Боже мой! — заревел он и попытался прыгнуть за борт. Но его скрутил гаргантюанских габаритов негр по имени Дауд.

— Ты чего это, малявка, — сказал Дауд, подымая Фортеля за голову и пристально разглядывая эти судороги робы и ропота, чьи ноги бились в ярде над палубой. — Ты зачем это хочешь пойти и такое учинить?

— Мужик, да я сдохнуть хочу, больше ничего, — вскричал Фортель.

— Ты разве не знаешь, — произнес Дауд, — что ценнее жизни у тебя имущества нет?

— Хо, хо, — ответил Фортель сквозь слезы. — Почему это?

— Потому, — сказал Дауд, — что без нее ты труп.

— А, — сказал Фортель. Неделью потом об этом думал. Успокоился, снова стал ходить в увольнения на берег. Сбылся его перевод на «Порывистый». Вскоре машина, после Отбоя, начинала слышать странный скрежет от койки Фортеля. Так оно шло недель парутройку, пока однажды ночью, часа в два, кто-то не зажег в кубрике свет — Фортель сидел по-турецки на койке и точил зубы небольшим полудрачевым напильником. В следующий вечер выдачи денежного довольствия Фортель сидел за столом в «Могиле моряка» с прочей машиной, тише обычного. Около одиннадцати мимо качко пронесло Беатрис с подносом пива. Злорадно Фортель высунул голову, широко распахнул челюсти и впился свежезаточенными протезами в правую ягодицу подавальщицы. Беатрис завопила, стаканы полетели, параболически сверкая и орошая «Могилу моряка» водянистым пивом.

Это стало у Фортеля любимым развлечением. По дивизиону, по эскадре, а то и по всему Атлантическому миноносному соединению поползли слухи. Не служащие на «Порывистом» или «Эшафоте» приходили посмотреть. От этого начиналось множество драк вроде происходящей нынче.

— Кого он цапнул, — спросил Профан. — Я не видел.

— Беатрис, — ответила Беатрис. Беатрис была еще одной буфетчицей. Миссис Буффо, хозяйка «Могилы моряка», которую тоже звали Беатрис, выдвинула теорию: как маленькие дети всех женщин зовут мамой, так и моряки, по-своему равно беспомощные, всех бу-

фетчиц должны звать Беатрис. В целях дальнейшего осуществления этой материнской политики она установила у себя заказные пивные краны, выполненные из пенорезины, в виде гигантских грудей. С восьми до девяти в вечер жалования тут происходило нечто называемое миссис Буффо Часом Отсоса. Она его официально начинала, являясь из подсобки в кимоно, расшитом драконами, которое ей подарил воздыхатель с Седьмого флота, подносила к губам боцманскую дудку и давала сигнал «Команде Ужинать». По нему все кидались к пивным кранам, и, если везло добраться, из них удавалось соснуть. Кранов таких было семь, и обычно на такую потеху собиралось в среднем по 250 моряков.

Вот из-за угла бара высунулась голова Фортеля. Он щелкнул Профану зубами.

— А вот, — сказал Фортель, — мой друг Росни Гланд, на борту недавно. — Он показал на длинного печального мятежника с огромным клювом — дылда подвалил вместе с Фортелем, волоча по опилкам гитару.

— Здравсьте, — сказал Росни Гланд. — Мне хотелось бы спеть вам песенку.

— В честь того, что ты стал РПК¹, — сказал Фортель. — Росни ее всем поет.

— Это в прошлом году было, — сказал Профан.

Однако Росни Гланд уперся ногой в латунный поручень, гитарой в колено и затрямкал. После восьми тактов эдакого он запел, в темпе вальса:

Разнесчастный Понурий Крысеныш,
По тебе все рыдают тайком.
В кубриках и на мостике грустно,
Слезы льет даже жалкий старпом.
Ты списался и сделал ошибку,

¹ Вообще — рядовой первого класса.

Жопу драть тебе целились шибко,
Рапортов на тебя — знай держись.
Ну а мне б — только флотскую лямку,
Крысой посуху — это не жизнь.

— Симпатично, — вымолвил Профан в стакан с пивом.

— Дальше — больше, — сказал Росни Гланд.

— О, — сказал Профан.

Сзади Профана вдруг окутали миазмы зла; на плечо ему мешком картошки обрушилась рука, а в поле периферического зрения вполз пивной стакан, окруженный крупной vareжкой, неумело сработанной из шерсти недужного бабуина.

— Бенни. Как делишки чахнут, хё, хё.

Такой смех мог исходить только от Профанова некогда-сослуживца Свина Будина. Профан обернулся. И впрямь. «Хё, хё» примерно отображает смех, образуемый подведением кончика языка к основаниям верхних центральных резцов и выдавливанием из глотки гортанных звуков. Звучал он, как Свин и надеялся, до ужаса непристойно.

— Старина Свин. Ты разве не пропускаешь передислокацию?

— Я в самоволке. Боцманмат Папик Год вынудил дать тягу. — Избегать БП лучше всего по трезвянке и со своими. Потому и «Могила моряка».

— Как Папик.

Свин рассказал ему, как Папик Год и подавальщица, на которой он женился, разбежались. Она отвалила и устроилась работать в «Могилу моряка».

Ох уж эта юная жена, Паола. Сказала, что ей шестнадцать, но поди пойми — родилась перед самой войной, и здание со всеми записями о ней уничтожили, как большинство прочих зданий на острове Мальта.

Профан присутствовал при их знакомстве: бар «Метро», Прямая улица. Кишка. Валлетта, Мальта.

— Чикаго, — это Папик Год своим голосом гангстера. — Слыхала о Чикаго, — меж тем зловеще суя руку себе под фуфайку, обычный финт Папика по всей Средь-литорали. Вытаскивал обычно платок, а вовсе не волюну и не шпалер, сморкался в него и хохотал над той девчонкой, кому выпало сидеть напротив за его столиком. От американских киношек вырабатывались стереотипы — у всех, кроме Паолы Майистрал, которая и после его рассматривала так же, не раздув ноздрей, брови на мертвой точке.

В итоге Папик занял 500 под 700 из смазочного фонда кока Малого, чтобы привезти Паолу в Штаты.

Может, для нее то просто был способ выбраться в Америку — полоумие всякой средиземноморской буфетчицы, — где хватает еды, теплой одежды, всегда есть отопление, дома целы и невредимы. Папику пришлось наврать про ее возраст, чтобы протащить в страну. Она могла выглядеть на любые года, каких пожела-ет. И в ней ты подозревал любую национальность, ибо Паола владела огрызками, похоже, всех языков.

Папик Год на потеху палубе описал ее в шкиперской кладовке военного корабля США «Эшафот». Говоря все время, однако, с причудливой нежностью, словно бы медленно осознавал, может, и по мере выкладыва-ния байки, что в половых отношениях вдруг больше таинства, нежели он предвидел, и счет ему в итоге ока-жется неведом, потому что такие счета не цифирью за-писываются. Что после сорока пяти лет жизни для лю-бого разнузданного¹ Папика Года было ничто по срав-нению с самим таким открытием.

— Годный кадр, — обронил Свин в сторону. Профан перевел взгляд в глубину «Могила моряка» и увидел,

¹ Ср.: «В ней даже и разнузданная похоть — священнодействие» (У. Шекспир. Антоний и Клеопатра. Акт II, сц. 2. Перев. М. Донского).

как она уже подходит сквозь скопившийся вечерний дым. Похожа на подавальщицу с Восточной Главной. Что там про зайца-беляка на снегу, про тигра в высокой траве на солнце?

Она улыбнулась Профану: грустно, с натугой.

— На сверхсрочную вернулся?

— Я проездом, — ответил Профан.

— Давай со мной на западное побережье, — сказал Свин. — Не собрали БП еще такой машины, чтоб уделала мой «харлей».

— Глядите, глядите, — вскричал малыш Фортель, прыг-скок на одной ножке. — Только не сейчас, ребята. На старт. — Он показал. На стойке материализовалась миссис Буффо в своем кимоно. Заведение притихло. Между гидробойцами и матросами, забившими проход, заключилось мгновенное перемирие.

— Мальчики, — объявила миссис Буффо, — у нас Сочельник. — Она извлекла боцманскую дудку и заиграла. Над распахнутыми глазами и раззявленными ртами знойно и флейтово затрепетали первые ноты. Все в «Могиле моряка» слушали благоговейно, мало-помалу соображая, что играет она «Вот ясной полночью звучит», в ограниченном диапазоне боцманской дудки. Откуда-то с тылов заведения молодой резервист, некогда выступавший по ночным клубам Филли, взялся тихонько подпевать. У Фортеля засияли глаза.

— Это голос ангела, — произнес он.

Они дождались той части, что гласила «Покой земле, а людям благ Несет Небесный Царь», и тут Свин, воинствующий атеист, решил, что больше не выдержит.

— Это, — громко объявил он, — похоже на «Команде Ужинать». — Миссис Буффо и резервист умолкли. Прошла секунда, и только потом до всех дошло.

— Час Отсоса! — завопил Фортель.

Что как бы разрушило чары. Сообразительные узники «Порывистого» как-то слиплись в неожиданной круговерти веселых митрох, телесно вздернули Фортеля повыше и с малявкой наперевес ринулись к ближайшему соску, в ертауле наступления.

Миссис Буффо, воздвигшись на свой бастион, точно краковский трубач, приняла на себя всю мощь атаки и опрокинулась спиной в лохань со льдом, когда барную стойку штурмом взяла первая волна. Фортеля, с вытянутыми вперед руками, метнули через верх. Он уцепился за одну рукоять крана, и сослуживцы его тут же отпустили; инерция пронесла его вместе с рукоятью аркой вниз — пиво хлестануло белопенным каскадом из одной пенорезиновой груди, омывая Фортеля, миссис Буффо и пару дюжин моряков, забежавших за стойку фланговой атакой, а теперь колотивших друг друга до бесчувствия. Группа же, перекинувшая Фортеля, рассредоточилась и попыталась отхватить себе побольше кранов. Главный корабельный старшина Фортеля, держась за его ноги, стоял на четвереньках готовый сшибить его с этих ног и самому занять место голеадора, когда Фортелю уже хватит. Подразделение «Порывистого» в стремительном своем рейде образовало живой клин. В кильватере за ними сквозь брешь пробралось по крайней мере еще шестьдесят истекавших слюнями синих бушлатов — они пинались, царапались, толкались локтями, оглушительно ревели; кое-кто размахивал пивными бутылками, расчищая себе путь.

Профан сидел у дальнего конца стойки, озирая вручную выделанные палубные сапоги, клеша, подвернутые манжеты «ливайсов»; время от времени являлась слюнявая рожа, приделанная к падшему телу; битые пивные бутылки, крохотные ураганы опилок.

Вскорости он перевел взгляд; там была Паола, руки вокруг его ноги, щека прижата к черному дениму.

— Ужас, — сказала она.

— О, — сказал Профан. Погладил ее по голове.

— Мир, — вздохнула она. — Не его ли нам всем надо, Бенни? Хоть чуточку мира. Чтоб никто не прыгал и не кусался за жопу.

— Чш, — сказал Профан, — глянь: только что Росни Гланду кто-то двинул в живот его же гитарой.

Паола побормотала ему в ногу. Они сидели тихонько, не подымая взглядов на побоище, бушевавшее сверху. Миссис Буффо предприняла буйную истерику. Нечеловеческие рыдания бились в старое поддельное красное дерево бара и вздымались из-под него.

Свин сдвинул в сторону пару дюжин пивных стаканов и уселся на выступ за стойкой. В лихую годину он предпочитал отсиживаться и наблюдать. Свин рьяно пялился на сослуживцев, что отнятыми поросятками бились за семь гейзеров под ним. Пиво промочило почти все опилки за стойкой: потасовки и любительские антраша теперь карябали в них чужеродную иероглифику.

Снаружи донеслись сирены, свистки, топот бегущих ног.

— Ой, ой, — произнес Свин. Он соскочил с выступа, пробрался вокруг конца стойки к Профану и Паоле. — Эй, ас, — сказал он невозмутимо и сощурившись так, словно ему дуло ветром в глаза. — Шериф на подходе.

— Через зад, — ответил Профан.

— Девку захвати, — сказал Свин.

Втроем они короткими перебежками миновали пересеченную местность кишящих тел. По пути прихватили Росни Гланда. Когда Береговой Патруль вломил-

ся в «Могилу моряка», молотя дубинками, четверка уже ловила себя на том, что мчится по переулку, параллельному Восточной Главной.

— Мы куда, — сказал Профан.

— Куда следуем, — сказал Свин. — Двигай жопой.

II

А оказались они в конце концов на квартире в Нью-порт-Ньюз, населяемой четверкой лейтенантов ВОЛН¹ и стрелочником с угольных причалов (другом Свина) по имени Моррис Тефлон, эдаким отцом дома. Неделя между Рождеством и Новым годом провелась достаточно пьяно, чтоб опознать, что это были праздники. Никто в доме, похоже, не возражал, когда все они вселились.

Прискорбная привычка Тефлона свела Профана и Паолу вместе, хотя ни ему, ни ей этого не хотелось. У Тефлона имелся фотоаппарат: «лейка», раздобытая полулегально за морем одним флотским другом. По выходным, когда дела шли хорошо, а дешевое красное плескалось всюду волной от тяжелого купца, Тефлон накидывал камеру себе на шею и отправлялся бродить от кровати к кровати, делая снимки. Их он потом продавал охочим матросам на нижнем конце Восточной Главной.

Так вышло, что Паола Год, урожденная Майистрал, отдав швартовы по собственному капризу из надежной постели Папика Года рано, а из почти-дома «Могила моряка» поздно, ныне пребывала в потрясении, отчего Профан наделялся всевозможными целительскими и сопереживательными талантами, коими на деле не обладал.

¹ Сокр. от «ВОЛЬНОНаемные женщины на чрезвычайной службе».

— Только ты у меня и есть, — предупредила его она. — Будь ко мне добр. — Они сживали вокруг стола на кухне Тефлона: Свин Будин и Росни Гланд лицом к ним каждому, как партнеры по бриджу, посередине бутылка водки. Никто не разговаривал — только спорили, с чем мешать водку дальше, когда то, что есть, кончится. На той неделе они попробовали молоко, баночный овощной суп, наконец сок из высохшего куска арбуза — больше у Тефлона в холодильнике не осталось ничего. Попробуй как-нибудь выжать арбуз в стопку, если рефлексы твои уже не те. Считаю, невозможно. Выколупывать арбузные семечки из водки тоже оказалось целое дело и привело к нарастанию взаимной неприязни.

Неприятность отчасти была в том, что и Свин, и Росни оба на Паолу положили глаз. Всякий вечер они обращались к Профану как к попечителю и запрашивали себе второй разбор.

— Она от мужиков старается отойти, — пытался сказать Профан. Свин от такого либо отмахивался, либо воспринимал как оскорбление Папику Году, старому своему начальнику.

Говоря по правде, Профану ничего не обламывалось. Хотя становилось трудно сказать, чего Паола хочет.

— Ты в каком это смысле, — говорил Профан. — Быть к тебе добр.

— Как Папик Год не был, — отвечала она. Вскоре он отказался и от попыток декодировать несколько ее бзиков. Временами она принималась излагать всевозможные дикие сказки о неверности, чуть-что-в-зубы, о пьяных издевательствах. Профан скатывал и пролопачивал, оббивал зубилом, драил железным ершом, красил и снова оббивал под началом Папика четыре года, а оттого поверил бы где-то половине. Половине потому,